

Январь 1928 г.

Цена 15 коп.

5 ГОД ИЗДАНИЯ. № 2.

БЕГЕМОТ

РЕДАКЦИЯ
Ленинград 2, Фонтанка, 57, тел. 565-55.

САТИРИЧЕСКИЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА
На 1 месяц 60 коп., на 3 мес. 1 р. 70 к.
на 6 мес. 3 р. 25 к., на 12 мес. 6 р.

ФРАНКО-РУССКИЙ ЯЗЫК

Заключен генеральный договор с Францией на поставку нефти.

Рисунок Л. Бродяги

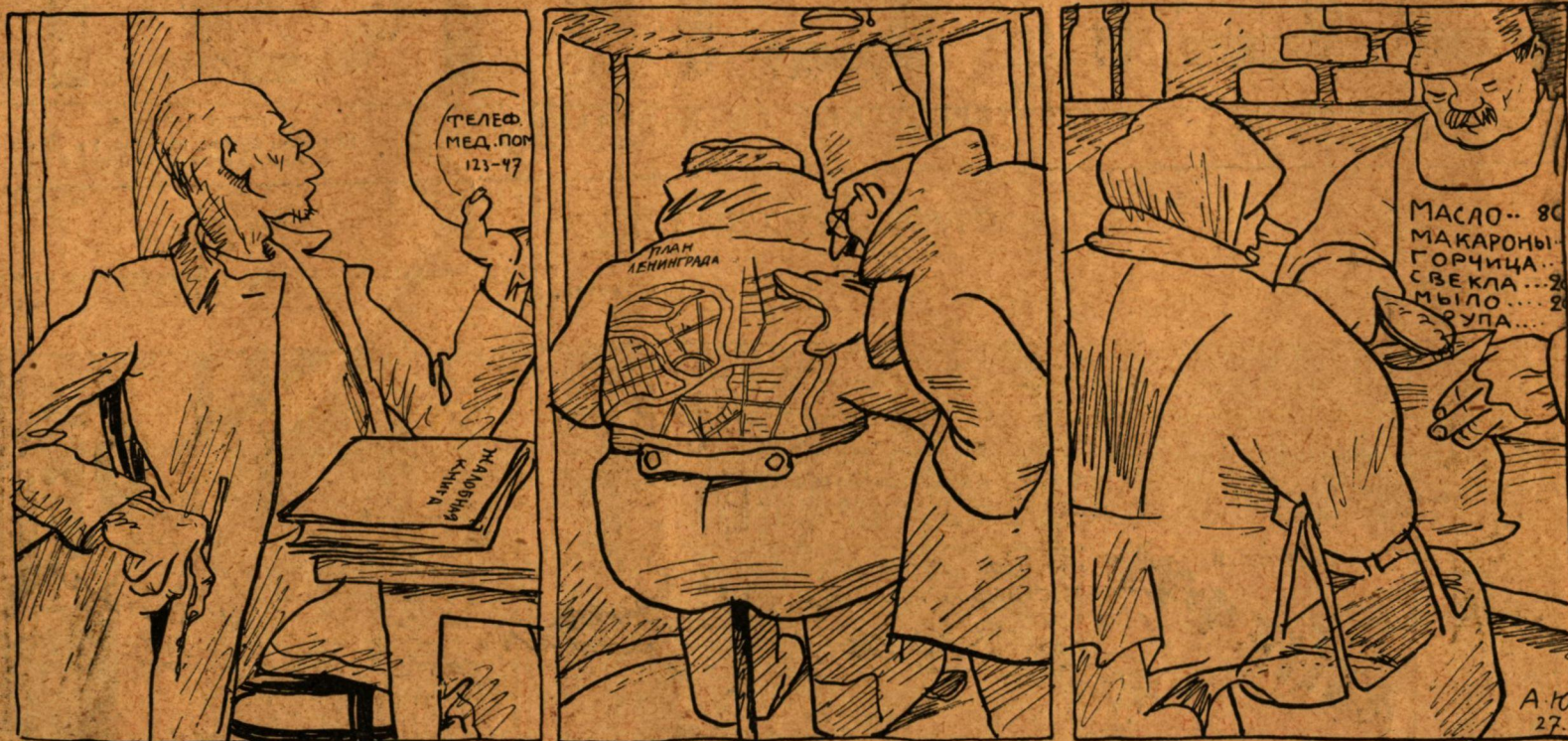
ДЕТЕРДИНГ — Удружили, чорт их дери! Мерси, Баку!

3457/53

Для широкого ознакомления населения с метрической системой, решено выпускать спички, с напечатанной на этикетках коробов метрической таблицы.

Рисунки А. Юнгера

Для широкого ознакомления населения предлагаем использовать еще некоторые предметы, как, например:

На тарелках в общественных столовых — не мешало-бы печатать телефон скорой помощи.

На туалетах вагоновожатых необходимо печатать план города, с указанием всех переименованных и вновь переименованных улиц, площадей и мостов.

Кооперативам — на фартуках продавцов — печатать прейс-курнт товаров. Тут-же можно печатать и лозунги по вовлечению пайщиков в кооперацию и т. д.

МОСКВА

Люди, автобусы. Автобусы, клячи.
Прут люди, словно тесто из дежи.
Половина жителей мается по дачам,
Потому-что в городе негде жить.

Звоны трамваев. Моторов икота.
Зевнул, — под колеса наверняка.
Костюмы — от шляпы и коверкота
До малахая и армяка.

Завтрашний день не похож на вчерашний, —
Старое новым берется в размол:
На колокольнях радио-башни,
В храмах закрытых поет комсомол.

Старое гибнет. Новое крепнет,
Черных годов смета тоску.
Нет, никакой Верещагин и Репин
Не нарисуют новую Москву!

Старый Париж, столица мира,
Отдал Москве вековой портфель:
Знают Москву на вершинах Памира,
Знают Москву в Каирских кафе.

Крепко протоптан путь к мавзолею
Стомилионной рабочей ногой;
Где-то под пеплом медленно тлея,
Дыбится, ширится алый огонь.

В джунглях индийских, в темном народе
Саги поют про тебя без конца,
И, как вино буреносное, бродит
Имя твое в миллионных сердцах.

Р. Волженин

СОН НЕГРА

Когда я слушал раньше эту пьеску в исполнении духового оркестра в Летнем саду, — каюсь, я причислял ей к произведениям, так называемой, „садовой музыки“, под которую приятно пить пиво или беседовать с девицей о кошке.

Совсем недавно я узнал всю ошибочность и легкомысленность подобного суждения.

Одна из наших радио-станций передавала концерт легкой музыки.

„Сон негра“, разумеется, был включен в программу.

Исполнению этого популярного произведения было предпослано небольшое пояснение музыкального руководителя.

— Сейчас вы услышите пьесу „Сон негра“ — объявил руководитель. — Эта небольшая, такая простенькая, такая мелодичная пьеска... Здесь вы как бы услышите спящего негра, этого пария, угнетенного американским капитализмом... Негр, утомленный долгим трудовым днем, негр, получающий гроши за свою работу, негр, которого линчуют на каждом шагу, заснул и видит такой грустный, такой мелодичный сон в исполнении такого духового оркестра. Мелодии родины, то такие грустные, печальные, невеселые, то, наоборот, такие веселые, такие негрустные, такие непечальные, сменяются одна другой, другая третьей, и так далее, рисуют угнетенное положение рабов Америки. Итак — „Сон угнетенного негра“...

Руководитель умолк. Из трубы громкоговорителя полился разъясненный сон негра.

Не помню, что было дальше. Может быть, дальше была мазурка из балета „Коппелия“ или полька „Бабочка“ — эти грустные памятники борьбы Польши за независимость.

За полькой, возможно, следовал „Марш гладиаторов“, рисующий „далекую изжитую эпоху римского царизма, с его кровавыми зрелищами“, или рыдал вальс „На сопках

Манчжурии", где „как-бы чудятся эти сопки, залитые кровью русских солдат, и где корнет-а-пистон как бы спрашивает: „За что мы здесь умираем? — раз-два-три, раз-два-три... Эс-та-та-та!“

Но я уже не слушал. Потрясенный сном негра, я выключил радио-приемник и отдался игре воображения.

Я старался представить себе этого чуткого, тонко понимающего музыкального руководителя.

Каков он в жизни? Живет-ли он так-же, как и мы все, или иначе?

Нет, конечно, иначе.

Человек, так остро чувствующий „Сон негра“ или польку „Бабочку“, не может жить, как мы, грешные.

Проснувшись утром, он глядит на потолок и вздыхает:

— Передо мной такой простенький, такой белый потолок... Но на этом потолке выступают пот и кровь. Здесь мы видим труды далекого подневольного времени царизма... Из голодных деревень, таких серых, таких забитых, таких голодных, тянулись в город сезонные рабочие, маляры и штукатуры... Сейчас перед нами потолок, сделанный одним из таких штукатуров. Итак — потолок угнетенного штукатура...

Пояснив потолок, музыкальный руководитель одевается и пьет кофе.

Кофе...

— Кофе — этот вкусный, этот такой бодрящий напиток... Он растет под знойным солнцем юга, где-нибудь на Малайских островах... — любовно поясняет руководитель жене: — малайцы — это такой рабский народ, угнетенный колониальной политикой...

Итак, налей мне еще стакан кофе, в котором как бы слышатся стоны малайских пролетариев...

Музыкальный руководитель пьет разъясненное кофе, а в это время его сынок репетирует на рояле гаммы.

— Гамма до-мажор... — поясняет в перерыве музыкальный руководитель. — Она вся такая светлая, такая бодрая, как работа заводской машины... Сначала — до, потом — ре, потом — ми... Ритмично, в правильном движении вперед, к поставленной цели... Итак, прослушайте гамму до-мажор!

И даже, случайно ударившись головой о косяк, он, этот изумительный человек, остается верен себе:

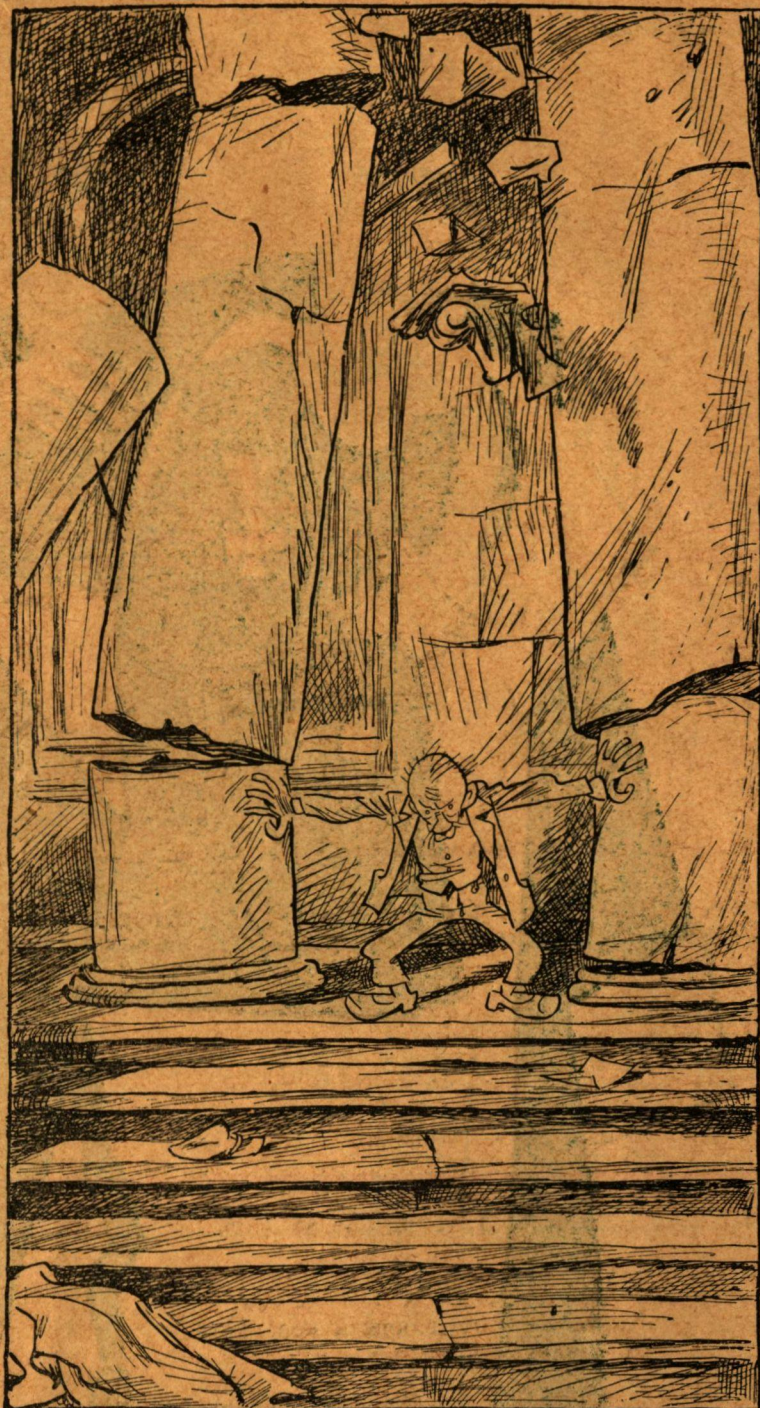
— Сейчас вы прослушали (поясняет он, почесывая ушибленное место) такую маленькую пьеску-шутку, пьеску-миниатюрку: „Удар головой“. В ней нет особой программности, особого такого глубокого содержания. Но все-же она будит мысль, призывая трудящихся зорко следить за своими врагами, подстерегающими их на каждом шагу новой, такой свободной, такой трудовой прекрасной жизни.

Ив. Прутков

СОВРЕМЕННЫЙ САМСОН ИЛИ —

Рисунок В. Антоновского

Колонны Исаакиевского собора, вследствие оседания почв, дают трещины.

— НОВЫЙ СПОСОБ САМОУБИЙСТВА

П О Р Т Р Е Т

Червонцы не валяются в Союзе, как просо,
Но можно действовать наверняка,
Если притти к дверям Наркомпроса
И предложить... „Середняка“.

Портрет акварелью, маслом-ли, тушью,
Лишь-бы — пейзажище вглубь и вширь...
Подхалим с невеждой заинтересуются чушью
И скажут сладенько: „ведь вот — богатырь!“

Купят „Середняка“ в ботфортах и в гриве.
Фон — Волховстрой, и трактор в руках.
Поработал „художник“ на крестьянской ниве
И талант в стране не зачах...

Увидит портрет представитель окраин,
В музейный фонд обратясь,

Заберет портрет смуглолицый хозяин,
Не ударит лицом в столичную грязь...

Глядишь, в далеком, Наманганском музее
Туземец под-ряд прошибает слеза.
Висит „Середняк“. Стоят ротозей
И честно на чучело пьют глаза...

Анатолий Васильевич! Вы — добрый,-предобрый,
Защитник ИЗО и МУЗО в странех!
Зачем вы не заняли яда у кобры,
Чтоб жалить халтуру на полотне?!

Александр Флит

РАЗОБЛАЧИТЕЛЬ

Бурцев прибыл в Варшаву и прочел лекцию, где распинаясь в преданности Пилсудскому.

(„Красн. Газ.“).

Рисунок Л. Вредемы

Он остался тем-же: сначала разоблачил Азефа, теперь „разоблачает“ Пилсудского!

ДРЕВНИЙ ЯЗЫК

Лаврова — активистка, хорошая клубная работница, прочитав лекцию о новом быте, домой пошла пешком. Как это часто бывает, только-что говоренные ею на лекции слова снова проплывали перед нею.

— Да... — думала она. — Новые времена, новые песни! Новые, новые словообразования!

И с каким-то удовольствием читала вывески домов, магазинов:

— Райкооп... Жакт... Райкооп.

— Кстати, райкооп. Надо зайти купить чулки.

Она вошла в магазин, огляделась по сторонам и прочитала в углу указатель:

„Дамское отделение“.

— Дамское? — хмыкнула про себя Лаврова. — Ничего себе, н-новенькое словечко!

Прошла в „дамское“ отделение и спросила:

— У вас имеются чулки?

— Детские, дамские? — нагнулся из-за прилавка приказчик.

— Ни те и не другие, — усмехнулась Лаврова.

— А какие-ж? Мужские, так это вот туда-с!

— И не мужские, а женские, женские чулки!

— Это господское словечко не вышло еще у нас из употребления! — зло подумала Лаврова, выходя из кооператива.

Влево от нее выросла освещенная вывеска:

„Дамская парикмахерская“.

Она ускорила шаги, но плакат из витрины губмедснабторга известил ее о прибытии партии духов „Все для дам“ и пудры госзаводов „Дамский восторг“.

Несколько девчонок с лихо подкрашенными губами теньями лепились к Лавровой и зудили:

— Дамочка, купите цветочков! А, дамочка...

Нищий со слепыми глазами стоял на углу и монотонно, видимо привычно, просил:

— Барыня, подай копеечку! Барыня, Христа ради, копеечку подай!

Дома Лаврова прошла прямо к себе в комнату. У мужа было накурено. Кто-то сидел.

— Киса, это ты? — как всегда, окрикнул ее муж.

— Я, — сказала Лаврова.

И сердито крикнула:

— Что это за дурацкая манера звать женщину кошачьими именами?

— А мы тут по маленькой, — не расслышал муж и продолжал прерванный спор. — Значит, я кладу даму треф, а вы кроете даму пик...

Лаврова обидчиво пожала плечами, потом подошла к телефону, чтоб узнать: в каком клубе у ней завтра лекция. Сняла трубку, нажала кнопку и сказала:

— Барышня, пожалуйста, 6-12-21. Да нет, барышня, не 7, а 6... 6, барышня...

Мгновение спустя, бросила трубку и зашептала сама себе:

— Барышня?! Не-ет, как въелось это словечко?! Как въелось, как въелось?!

И с досады топнула низким английским каблучком.

Вл. Тоболяков

По утрам Митя Дынин сидит у стола и перелистывает толстую бухгалтерскую книгу с розовыми и голубыми линейками. Одна половина книги исписана разными „сальдо“, „итого“ и наименованиями товаров, вроде „рис белый—15 пуд“. Рука, выводившая эти „итого“ давно уже, наверное, лежит изсохшей костяшкой, а книга по-прежнему живет торговой жизнью, заполненная до корешка новым товаром: куплетами, монологами, дуэтами и прочими продуктами творчества Мити Дынина. Торгует своим товаром Митя Дынин небойко: раз в день, да и то не каждый, заглянет какой-нибудь третьеразрядный эстражник за новым репертуаром. Митя торопливо ждет покупателей. У стены стоит дряхлое пианино, с отлетевшими косточками клавиш, наполовину без струн и такое расстроенное, что, когда Митя играет на нем, кажется, будто в этом черном ящике свалены ржавые железные обручи, и Митя ворочает их. В мирное время Митя Дынин недурно зарабатывал на эпитафиях. Особенно хорошо платили купцы.

В могиле сей купец и друг,
Овчинников, Степанович Макар.
Хоть торговал он мылом „Жук“,
Но был душой душист, как туалетное Брокар.

Вообще в „мирное“ жилось куда слаще, и Митя Дынин любит перечитывать старые ходовые куплеты:

Я люблю тебя за это,
Что ты тетка Лизавета.

Митя пустил их в „перекраску“, как он говорит.

Я люблю тебя за это.
Что ты завклуб, Елизавета.

Дверь с треском открывается и в комнату влетает один из парных юмористов Пуп и Пип.

— Митя, голуба,—садится Пип, не здороваясь,—что-нибудь транспортное мне. Понимаешь?

— Олярй! — говорит Митя и раскрывает книгу. — Вот, — глядит он страстицу, — транспортное, что надо!

Пип заглядывает в книгу, но Митя закрывает страницу обоими ладошками.

— Э, нет, брат! — говорит он. — Деньги на бочку.

— Митя, да ты что? — вскакивает Пип. — Ты разве не знаешь меня?

— Я тебя знаю и очень люблю, — говорит Митя, — но верю я только покойникам.

— А если не понравится?

— Непонравившийся товар фирма принимает обратно с возвращением денег гр. гр. покупателям.

— Сколько? — поворачивается Пип.

— Трешку, Пипа.

— Да ты что, Митя? Рубль.

— Нельзя, Пипа.

— Рубль! — решительно берет Пип свою шляпу.

— Чорт с тобой, — испуганно говорит Митя. — Покажи деньги.

Пип вынимает рубль и машет им в воздухе.

— Клади его сюда, на нейтральную почву, а сам отойди, — говорит Митя. — Так, теперь слушай.

Митя садится к пианино, ворочает ржавые железные обручи в черном ящике и поет слабым, но очень приятным голосом, на мотив „Бубенцы“.

Как на транспорте у нас железнодорожном
Начдороги какой-то служил.
Он работал совсем невозможно —
Бесхозяйственно тратил и пил.
Слышен шум поездов издали,
Это тройки контрольной набег,
И растратчики, воры, пьянчужки
Побледили, как искристый снег.

— Беру — встает Пип.

— Заводского товару не надо? — спрашивает Митя и, шевельнув ржавые обручи, запекает „Песню прогульщика“ на мотив „Прощай, ты, Новая деревня“.

Прощай прогульная неделя,
Прощайте раки из пивной,
Прощай страхкасса дорогая...
Та-ра-рим, ти-ра-ра-ра, рим-рам...

— Почему? — спрашивает Пип.

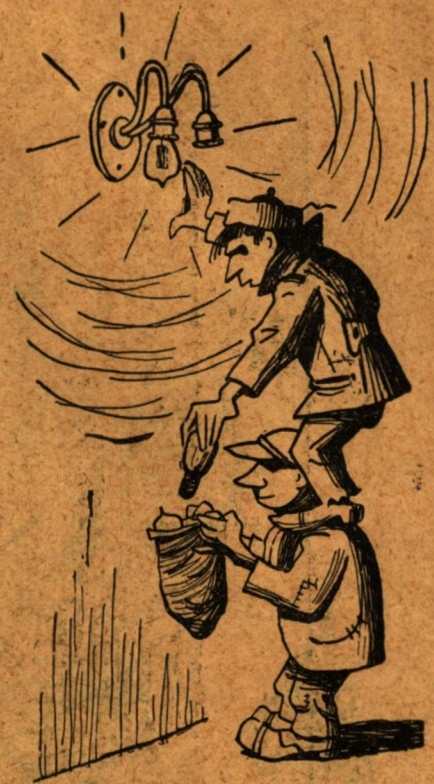
— Сто копеек, Пипа.

— Полтинник!

— Давай.

Запродав товар, Митя Дынин идет на кухню.

— Ариша, — говорит он девушке, — сбегай-ка за бутылкой горечи, надо нутро подсластить.

„Многоламповый приемник“.

И когда Ариша сбегает вниз, Митя выскакивает на площадку и кричит в пролет лестницы.

— Ариша! Кило колбасы!

— ...кой? — долетает снизу голос девушки.

Митя Дынин складывает ладони рупором.

— Страстбургской!

К. Мазовский

ТЯЖЕЛАЯ ЖИЗНЬ

Покупая сыр и яйца,
Слышу шопот за собой:
— Вот, к примеру, начинается
Новый год — двадцать восьмой...

Сколько ждали с упованием, —
Может, этот, может, тот.
Только, нет, — конца страданиям
Не сулит и этот год...

— Тяжело! Когда-же, боже мой! —
Горький следует ответ.
Обернулся я, тревожимый
Сочетаньем стольких бед:

Через десять лет подобная,
Безнадежная брехня...
Замолчали, взгляды злобные
Кинув косо на меня.

Был один из них хозяином
Трех „торговлей мелочных“
И каких-то, по окраинам,
Подозрительных пивных.

А другой имел в Германии
Брата с титулом и мать,
У которых с ним в компании
Тысяч восемьдесят пять.

Д. Цензор

КАТАСТРОФА

Ввиду участвовавших случаев пьянства в поездах, вменено в обязанность кондукторской бригаде не допускать пьяных пассажиров в поезд, а напившихся в пути высаживать.

Рисунок Н. Радлова

— Чего это поезд-то встал? Крушение что-ли?
— Н-ее! Ехать некому! Бригада повысаживала всех!

„СОВЕТСКИЕ РОБИНЗОНЫ“

У самого устья р. Ильи было обнаружено два поселка—Большой и Малый Кайран,—населенные русскими крестьянами, бежавшими сюда во время гражданской войны. Никем не управляемые, не платя налогов, без газет, радио и школ, живут эти „советские робинзоны“.

(Из газет).

Когда моя лодка мягко стукнулась о прибрежный причальный камень и сделала заранее обреченную на неудачу попытку вскарабкаться на него, со всех сторон стали ко мне сбегаться деды и бабки, дяди и тетки и обоего пола мелочь.

— Товарищи, где у вас ВИК? — спросил я.

— Какой вик?! Вика, действительно, есть, сеем ее, а ты что, реквизицию хочешь или купить? ворочай назад, ветер тебе попутный.

Толпа загудела:

— Правильно! пускай его, братцы, назад, не то он опять подбивать воевать станет... Лодку евоюную взять, а ему камень на шею и с берега... пусть вплавь добирается туда, откуда приплыл!

— Тише! — крикнул столетний дед Митрич.

Стало тихо. Я воспользовался и сказал:

— Товарищи, я к вам попал случайно, у меня нет никаких полномочий: ни военных, ни гражданских, отдохну и поплыву дальше... Я совершенно мирный человек и подбивать ни на что не собираюсь... Ну, где у вас школа.

— Наши ребята школы не знают, — ответил Митрич. — Здесь грамота ни к чему: во всем поселке не найти ни одной, самой паршивой буквы, ни вывесок нет, ни просто на стенке писанного нет у нас и в заводе... И чего писать, коли так все помним!

Я пожал плечами.

— Почта-же имеется у вас?

— А на чорт она нам, почта? Все мы тут: коли что нужно — скажем либо так, либо на ухо, а если на другой конец что передать, то мальчонку послать можно.

— Как-же вы налоги отправляете? — спросил я.

Из толпы раздались угрожающие выкрики:

— Ах, вот, куда он гнет!.. Вот зачем он пожаловал!..

Я быстро вскочил в лодку и отпихнулся веслом от берега.

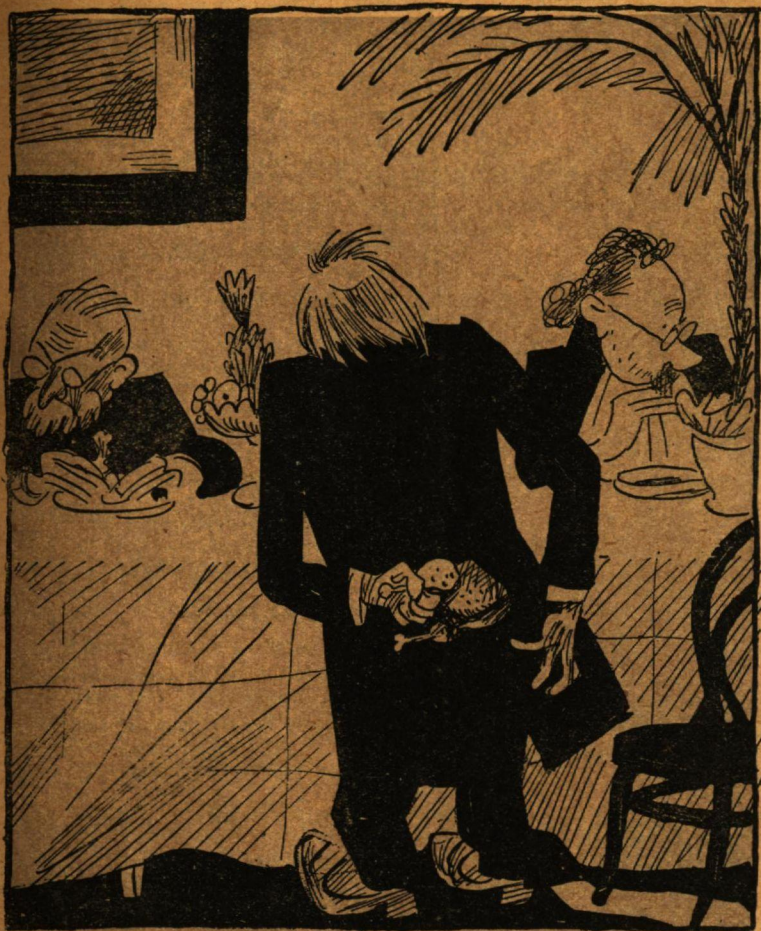
Толпа придвинулась. Кое-кто стал засучивать штаны, чтобы лезть в воду. Я сел на весла и сделал несколько сильных взмахов. Вслед мне полетели камни.

Древний старик сделал знак посохом и меня оставили в покое.

...Над тихой рекой раскатывался многократный, попутный мне мат...

Исидор Гуревич

Как достать курицу для опытов? Этот серьезный научный вопрос тревожит лучшие умы наших профессоров. Широкие массы друзей науки с неослабевающим интересом и сочувствием ждут разрешения этой проблемы. Как же, в самом деле, достать курицу?

1. Можно воспользоваться ближайшим банкетом в честь иностранных ученых и незаметно достать курицу с блюда. Однако, в этом случае она будет недостаточно живая и даже легко окажется бывшим петухом.

2. Можно открыто обратиться к помощи отзывчивых людей. Но при узкой специализации наших ученых, они, очень просто, выявят полную несостоятельность на этом новом поприще („не думайте, граждане, что так легко просить!“)... — и, вместо курицы, им вставят перо.

3. Не исключена возможность и такого научного метода, а именно — ловля курицы во дворе. Однако, близорукость глаз у наших почтенных двигателей науки и боязнь привода явятся серьезными препятствиями к достижению цели.

4. Остается более кропотливый, но зато верный домашний способ. Захворав (от огорчения или простуды), профессор измеряет температуру.

Скажем, сдрок. Тогда профессор просит прописать сырое куриное яйцо и с жаром приступает к работе.

Таковое яйцо, будучи сунуто подмышку, в недалеком будущем превратится в резвое пернатое, т.е. в то самое, что и требуется наукой.

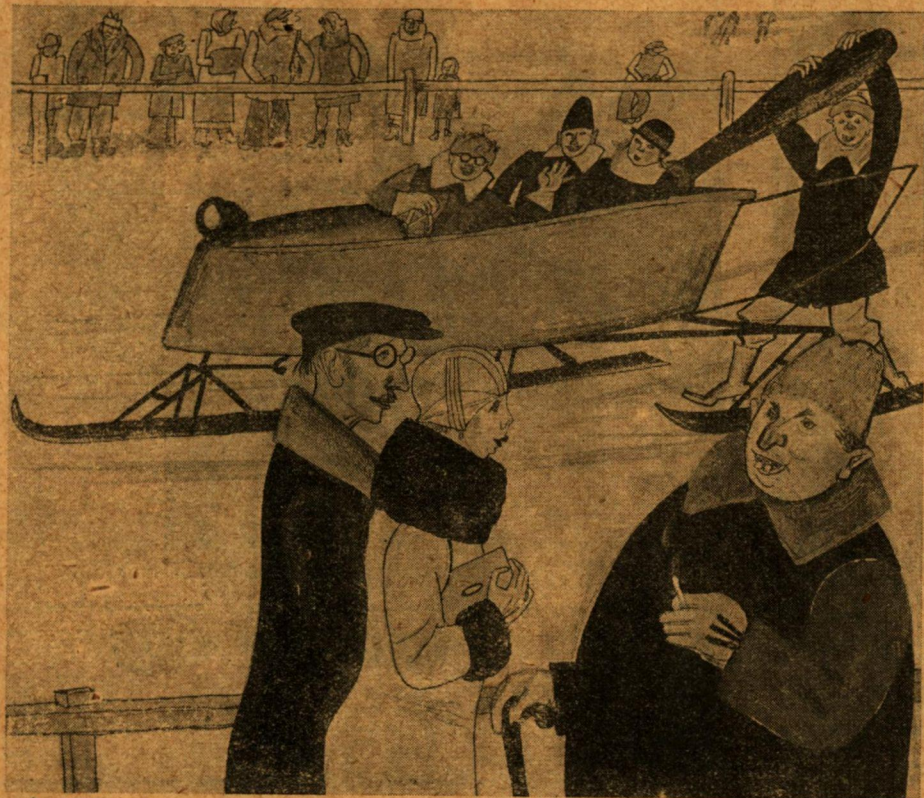
Не высидишь — не получишь. Профессура! Высиживай кур самосильно! Терпенье и труд все перетрут ¹⁾.

¹⁾ Если все-же высиделся петушок, опыт надо повторить. Спешить некуда — не за зайцем скачешь!

ОПАСНОЕ КАТАНЬЕ

С 1 января ОСОАвиохим вводит платные катания на аэросанях по Шпалерной улице. („Кр. Газ.“).

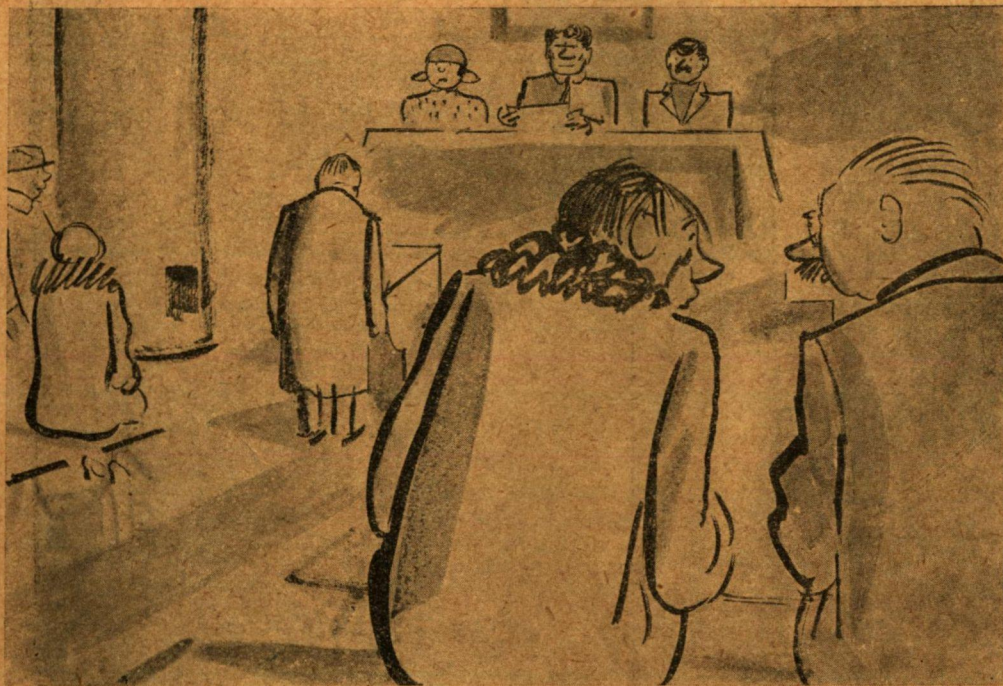
Рисунок Г. Зброва

— А вы, Соломон Яковлевич, отчего не хотите кататься?
— А ну его к чорту, это катанье на Шпалерке! Еще закатают!

В НАРСУДЕ

Рисунок А. Успенского

— Как судья?
— Настоящий сын Фемиды...
— И тут, значит, родственники

В СКВЕРЕ

Эх, хорош сегодня скверик:
Как лесок!
Подышу, по крайней мере,
Хоть часок.
Не беда, что трудно в холод
Без галош...
Нынче город
Бодро молод
И хорош.
Ни углов, ни резких линий,
Ни следа!
Запустил морозный иней
Провода;
А кустарник чахло-тощий,
Молодой,
Стал „коралловою рощей
Под водой“.
Воздух крепок, воздух вязок,
Свод высок...
Кто-то подал из салазок
Голосок:
Ни ручонки, ни ножонки
(Лет шести),
Словно белый медвежонок —
Весь в шерсти —
Только рот да переносица,
Да лоб...
Ну, а вылез, сразу просится
В сугроб.
А вблизи стучит лопатой
О пенек
Конопатый
И сопатый
Паренек.
Вот сошлись у бревен сложенных;
Молчат...
А глаза, как у встревоженных
Волчат.
Осторожные, нервные
Шаги.
Оба чувствуют, что кровные
Враги:
Ибо тот, что кличут Ванькой,
Ходит сам;
А второй гуляет с нянькой,
По часам.
И один „одет“, как в мае,
И босой,
И поедет на трамвае,
Колбасой,
А другой, что тонет в ласках —
Не разут;
И второго на салазках
Отвезут.
Вон и нянюшка колышется,
Скользя.
Голосок визгливый слышится:
— Нельзя!
„И чего он к этим типам
Вечно прет?
Заболел после гриппом
И помрет!“
Усадила. Снег под полозом
Трещит.
„Медвежонок“ диким голосом
Пищит.
Нянька подле извивается:
— „Не плачь!“
„Паренек“ в догонку лается:
— „Непач!“
И, мотивам дня студеного
Подстать,
Начинает „Марш Буденого“
Свистать.

.....
Эх, хорош сегодня скверик:
Как лесок!
Подышу, по крайней мере,
Хоть часок.
Пьедестал с Екатериною —
Как гроб;
А вокруг лежит периною
Сугроб.

Владимир Воинов

НА ДОКЛАДЕ

— Возьмите свои последние слова
обратно!
— Пппочему?!
— Да вы на 5 минут дольше рег-
ламента говорили!

КАК ОПРЕДЕЛИТЬ ХАРАКТЕР ЧЕЛОВЕКА ПО ЕГО ПОЧЕРКУ?

До сих пор еще, несмотря на все растущую потребность, нет настоящего научного руководства по графологии. Имеющиеся в продаже труды частью устарели, частью-же представляют собой образцы бессовестного жульничества и рекламирования.

И вот снова „Бегемот“ является смелым пионером. Прилагаемое краткое руководство, снабженное практическими примерами, поможет читателю разобраться в запутанных вопросах этой молодой дисциплины. После недолгих упражнений всякий, на основании короткой записки, единственно по характеру букв, наклону письма, цвету чернил и проч., сможет определить пол, возраст, партийность, служебный стаж писавшего.

*аппетитный журнал, подписчика
того, состояю уже три года, и*

*вот мне не известно
беспопечный мороз,*

Высокое интеллектуальное развитие. Ум. Сметливость. Острое критическое чутье. Постоянство.

Некультурность. Пониженное чувство долга. Алкоголизм. Склонность к отцеубийству.

*журнал срезанная у газетчиков
расширенный, а как у него с
срезанной и твёрдой, и в*

*Прилагаю при сем 12
лону выслать мне и
всем приложениям*

Интеллигентность. Здоровый художественный вкус. Недостаток практичности. Застенчивость. Неуверенность в себе.

Смелый открытый ум. Большие практические способности. Честность.

У С Л О В И Я П О Д П И С К И НА САТИРИЧЕСКИЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ **Б Е Г Е М О Т** И ЕГО ПРИЛОЖЕНИЯ НА 1928 ГОД БЕГЕМОТ БЕЗ ПРИЛОЖЕНИЙ

На 1 месяц — р. 60 к.	На 6 месяцев 3 р. 25 к.
На 3 месяца 1 р. 70 к.	На 1 год 6 р. — к.

БЕГЕМОТ С ПРИЛОЖЕНИЯМИ

24 книги Веселой Библиотеки „БЕГЕМОТА“. Рассказы русских и иностранных юмористов.

24 книги Детской Библиотеки „БЕГЕМОТА“. Веселое детское чтение: Приключения, басни, сказки в прозе и стихах, рассказы, веселые шарady и головоломки. Текст лучших писателей-юмористов. В книжках будет множество смешных рисунков лучших художников.

На 1 месяц 1 р. — к.	На 6 месяцев 5 р. 40 к.
На 3 месяца 2 р. 75 к.	На 1 год 10 р. — к.

БЕГЕМОТ С ПРИЛОЖЕНИЯМИ И ПУШКОЙ

На 1 месяц 1 р. 10 к.	На 6 месяцев 6 р. 25 к.
На 3 месяца 3 р. 25 к.	На 1 год 12 р. — к.

ПУШКА на 3 месяца — 60 коп. На 6 месяцев — 1 р. 10 к. На 1 год — 2 руб.

Кроме того, будут выпущены шесть больших книг лучших русских и иностранных юмористов, а также ряд юмористических сборников и альбомов каррикатур. Условия подписки на эти книги будут объявлены особо.

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ:

ЛЕНИНГРАД, 2, Фонтанка, 57, Главная Контора Издательства „КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

Подписка принимается всеми почтово-телеграфными конторами и отделениями СССР, во всех почтовых конторах и у сельских писмоношцев, всеми отделениями центральных издательств „Известий ЦИК СССР“, „Правда“ и „Рабочая Газета“, всеми экспедициями печати, всеми уполном. и киосками Контраген. печати. В Московском Отделении „Красной Газеты“ — Москва, Советская пл., 34, московским почтамтом, всеми город. отд. и писмоношц. на дому. По Ленингр. обл. — Отд. „Красной Газеты“ и „Ленинградской Правды“.

ИЗ ИСТОРИИ ПИСЬМЕННОСТИ СРЕДИ ВУЗОВЦЕВ КАМЕННОГО ВЕКА

— Эх, сколько раз говорил: не давай другим нашего учебника. Вона, какой кусок гранита отгрызли!..

ИЕРОГЛИФНАЯ ВОЛОКИТА В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ

— Уж ты постарайся, во имя святой кошки, годовой отчет на этой стене уместить. Тут из центра новая анкета пришла, — как раз, соседнюю пирамиду ею и заполним...